

«РОССИИ, КОТОРУЮ Я ЗНАЛА И ЛЮБИЛА, НЕТ БОЛЬШЕ НА СВЕТЕ»

Материалы и документы о В.И.Засулич. 1917–1931 гг.

«История служит не для нотаций настоящему, не для уроков и темных намеков, которые еще никогда и никого ни от чего не предостерегли и не предостерегут, а для понимания настоящего при помощи прошлого»¹, — писала В.И.Засулич в 1900 г. Каждая эпоха выдвигает и решает свои задачи и задает прошлому свои вопросы. Мы воспринимаем мир — прошлое, настоящее или будущее — сквозь накопленный нами духовный опыт. Можно по-разному относиться к русской революции и различным политическим движениям, влившимся в нее, их отдельным представителям, но невозможно игнорировать и недопустимо забывать ее опыт.

Трудно назвать другую личность, которая бы так глубоко и искренно, как Засулич, воплотила в себе «победы» и поражения, тупики и противоречия русской интеллигенции, вступившей на путь революционного преобразования России. Февральскую революцию 1917 г. она встретила в Петрограде. Свои впечатления от этих дней Засулич высказала в письме от 25 марта своему племяннику В.П.Успенскому: «Я очень боюсь за будущее, но совершенно согласна с твоими знакомыми, что все, на что ты жалуешься, “мелочи”. До сих пор дело идет гораздо глаже, легче, чем можно было опасаться [...] Здесь после нескольких дней стрельбы полиции на улицах [...] после того как хлеба уже недели 2 почти совсем не было, среди всего этого внезапно вся сила и власть без остатка попадает в руки солдат и рабочих (ведь огромное большинство полков пришли без офицеров, — те потом уже стали появляться и присоединяться), и солдаты присоединились именно к рабочим и студентам, а не к Родзянко. И это полновластие солдат и рабочих в стране, жившей сотни лет при азиатском режиме! И до сих пор еще никаких крупных непоправимых ошибок они не сделали. Министров они арестовали своим умом, но Вр[еменное] прав[ительство] потом продолжило эти аресты. Ни убийств, иначе как в самообороне, ни других эксцессов, — а хлеб-то только дня 3 как появился. Конечно, и грабежи были бы “мелочью”, по-моему. Ты негодуешь, что “Совет с[олдатских] и р[абочих] депутатов” позволяет себе делать на Временное правительство “нажим”, и я согласна, что лучше бы он его не делал (хотя насчет регентства согласна с Советом), но ведь он мог совсем его не допустить, что было бы великим несчастьем, и эта опасность грозила по временам (многое спас Керенский) и по сравнению с ней, что уж такое “нажим” [...] А я Бога благодарю, что восстание было стихийное, что большевики (все наиболее юное, сырое и в то же время активное в рабочей среде склоняется к большеви[зму]) не сразу очухались и примазались. На мой взгляд, в их влиянии главная опасность. Читай “Правду” [...] Увидишь, что это такое! Я ее ненавижу теперь больше, чем не только Романовых, а, кажется, даже Вильгельма»².

¹ Засулич В.И. Статьи о русской литературе. М., 1960. С. 259–260.

² Из переписки В.И.Засулич. Публикация и комментарии Т.А.Богдановой // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры в собраниях и архивах ГПБ. История России XIX–XX веков. Сборник научных трудов. Л., 1991. С. 71–72.

Дом Ангелова
№ 2066 К

В.И.Засулич вошла в социал-демократическую организацию «Единство», ее имя значилось в числе редакторов газеты «Единство» и пользовалось большим уважением и популярностью среди петроградских рабочих. Она присутствовала на многочисленных митингах, сообщения о чем регулярно появлялись на страницах газет. В апреле 1917 г. Засулич вместе с Г.В.Плехановым и Л.Г.Дейчем вступила в группу гражданского содействия Военного союза «Личного примера». За их именами вышло воззвание «Отечество в опасности! Не надо гражданской войны! Спасайте армию!». Тогда же в издании Центрального Военно-промышленного комитета вышла брошюра Засулич «Верность союзникам», обращенная, прежде всего, к солдатам. В ней говорилось о необходимости победоносного наступления и возвращения на фронт бежавших оттуда солдат. В мае 1917 г. Засулич вступила в число членов-учредителей «Республиканско-демократического союза граждан-солдат и граждан-офицеров армии и флота»³, каковыми уже являлись Плеханов и Дейч. От имени Исполнительного комитета Западного фронта Вера Ивановна получила приглашение прочесть пять лекций по рабочему вопросу на курсах по истории социализма, организованных для 1500 «агитаторов из окопов» в июне 1917 г. На проходившей в мае Всероссийской конференции меньшевиков она участвовала с правом совещательного голоса⁴. В июне Засулич, как и Плеханов, получила приглашение от председателя Совета по делам искусств С.И.Шидловского принять участие в работе Совета⁵. Она вошла в группу лиц, персонально приглашенных на Государственное совещание, состоявшееся 12–15 августа в Москве. 2 октября 1917 г. на заседании бюро ЦК РСДРП (меньшевиков) Засулич была включена в список кандидатов в Учредительное собрание от Воронежской губернии⁶.

После возвращения в Россию, с осени 1908 г. Засулич жила в Доме литераторов на Карповке. Один из обитателей Дома, И.С.Книжник-Ветров, вспоминал, что Вера Ивановна после июльских событий 1917 г. находилась в возбужденно-тревожном состоянии и на его вопрос, какого она мнения о Ленине, ответила, что хорошо его знает, «это — человек типа Нечаева: для революции он не разбирает средств»⁷. Свое мнение об идеях Ленина Засулич высказала еще в 1904 г. в статье «Организация, партия, движение (Идея § 1 устава)» (Искра. 1904. № 70. 25 июля) по поводу его книги «Шаг вперед, два шага назад». Она писала тогда,

³ Российская национальная библиотека. Архив Дома Плеханова (далее — РНБ АДП). Ф. 1098. № 24. Письмо В.И.Засулич от 7 мая 1917 г. за подписью секретаря Союза Николая Григорьева.

⁴ РНБ АДП. Ф. 1098. № 187. Письмо к В.И.Засулич Комитета общегородской конференции Петроградской организации РСДРП. В ее архиве хранится также приглашение от Центрального Комитета Бунда принять участие в работе Всероссийской конференции Бунда, которая открывалась 1 апреля в зале Тенишевского училища (Ф. 1098. № 22. Письмо от 30 марта за подписью секретаря Центрального Комитета Бунда А.Розенталя).

⁵ РНБ АДП. Ф. 1098. № 25.

⁶ См.: Меньшевики в 1917 г. М., 1996. Т. 3. Ч. 1. С. 321. В октябре 1917 г. В.И.Засулич получила предложение выставить свою кандидатуру по списку социал-демократической организации «Единство» (РНБ АДП. Ф. 1098. № 131. Типовое письмо на бланке организации «Единство» от 19 октября 1917 г. с пометой карандашом: «Для подписи В.И.Засулич ввиду выставления ее кандидатуры»).

⁷ Книжник Ив. Октябрьская революция в «Доме писателей» // Красная летопись. 1923. № 6. С. 195.

что, «будучи побежден на вопросе о § 1 устава» на II съезде РСДРП, Ленин в «бешеной» погоне за реваншем постарался «разорвать» съезд, а после съезда делал все от него зависящее, чтобы «разорвать» партию, ибо для него «существует не партия, а лишь его план “построения” партии, исходя из того “центра”, в котором находится автор плана. [...] Но при свете погони за “реваншем” выступает другая субъективная сторона той же идеи, объясняющая в свою очередь бешенство этой погони. Партия для Ленина — это его “план”, его воля, руководящая осуществлением плана. Это — идея Людовика XIV: “L’etat c’est moi” — партия это я, Ленин». Зная о намерении большевиков захватить власть, она ожидала «ужасного кровопролития»⁸.

Октябрьские события 1917 г. Засулич оценивала как «контрреволюционный переворот» и «катастрофу» в развитии России, называла большевиков «новыми самодержцами». В 1917–1918 гг. она поместила в печати несколько статей. Так, 26 ноября Засулич приняла участие в митинге, организованном Союзом писателей в защиту свободы слова. В нем приняли участие З.Гиппиус, А.М.Горький, Ф.И.Дан, Е.В.Замятин, В.Г.Короленко, Д.С.Мережковский, В.Д.Набоков, А.М.Калмыкова, А.Н.Потресов, Ф.И.Родичев, Ф.К.Сологуб, П.А.Сорокин, А.В.Тыркова, Н.В.Чайковский и др. Речи выступающих были напечатаны в однодневной «Газете-протесте» Союза русских писателей (датированной 26 ноября). Выступлением-статьей Засулич «Слова не убить» начиналась первая полоса газеты.

В апреле 1918 г. по случаю «юбилея» (оправдания ее в 1878 г. после выстрела в петербургского градоначальника Ф.Ф.Трепова) состоялось чествование Засулич в клубе меньшевиков-оборонцев «Рабочее знамя», где она произнесла небольшую речь. По словам Л.Г.Дейча, это было едва ли не единственное публичное выступление Веры Ивановны в то время⁹. Взойдя на кафедру, она сказала: «Мы все говорили рабочим об их правах, но ничего не сказали об их обязанностях. Между тем, как рабочий класс, признанный играть такую огромную историческую и ответственную роль, имеет огромные и серьезные исторические обязанности»¹⁰.

Революцию Засулич считала окончательно погубленной. «[...] так отвратительно тревожно и беспомощно на душе. Рухнуло, погибло все, что дорого было целую длинную жизнь [...] А вообще-то вить хочется, как собаке, а не говорить и не писать», — замечала Засулич в письмах к сестре (А.И.Успенской) весной 1918 г. — Сложилось такое чувство, что уже все непоправимо, кончено, все пропало. “Все дорогое лежит в яме кровавой, и ветер гуляет”. Возьмут ли немцы Питер или оставят его пустеть и умирать не оккупированным, это меня уже не волнует. Тоже и относительно погубленной революции. Что будет, не знаю, но знаю, что предстоит скверное время. [...] Мучают еще всякие истязания, самосуды, особенно над людьми, которых знала, встречала, а таких мучеников целый ряд вспоминается»¹¹.

В конце 1918 г. Дом писателей реквизируют «художники». «[...] Ведь Питер пустеет, масса квартир стоит пустых, и лишь злой каприз заставил мальчиков-художников (нет и 20-ти) захватить дом для “престарелых” писателей», — писала она сестре¹². Формально ее никто не выгонял, но все остальные жильцы

⁸ Там же. С. 194.

⁹ Дейч Л.Г. Памяти ушедших. Вера Ивановна Засулич // Голос минувшего. 1919. № 5–12. С. 209–210.

¹⁰ Памяти Веры Ивановны Засулич // Аксельрод (Ортодокс) Л.И. Этюды и воспоминания. Л., 1925. С. 42.

¹¹ Из переписки В.И.Засулич... С. 73, 74.

¹² Там же. С. 74.

дома были выселены: оставаться одной в большом неотапливаемом доме было невозможно. Засулич перебралась во флигель, стоявший во дворе и принадлежавший семье В.А.Мякотина (сам Мякотин в это время находился на юге России). Она заняла мезонин этого домика, все свое небогатое имущество перенесла сама на руках. «Да, холодно, голодно, темно на новой квартире: нет электричества, а керосинку не достанешь, — все так; но безнадежность как будто меньше», — так описывала она свою жизнь на новой квартире сестре и замечала, что «личная» ее «самая большая беда: глаза пропадают»¹³. «Здесь люди мрут, как мухи осенью»¹⁴, — писала она сестре зимою 1919 г.

В первых числах января 1919 г. Засулич заболела воспалением легких, что случилось с нею почти ежегодно после открывшегося в начале 1890-х гг. процесса в легких. По просьбе Дейча доктор Лукомский перевез ее в больницу (бывшие Рождественские бараки), откуда она вернулась в дом Мякотиных около 10 марта. «Я ничего себе, здорова, — писала она сестре, — но все так скверно на свете, что так бы и не выходила из воспаления легких (или там чего)»¹⁵. «Хочу только сказать, что если не бог весть как здорова, то все же живехонька»¹⁶, — слова из ее последнего сохранившегося письма.

В начале мая 1919 г. Засулич заболела вновь, поскольку ей был предписан полный покой. У ее постели поочередно дежурили Дейч и И.С.Блюменфельд. В день смерти на квартиру Засулич пришел А.Н.Потресов, впоследствии свидетельствующий, что «она умирала в ужасном состоянии, проклиная всю свою революционную деятельность»¹⁷. По собственному признанию Засулич, она ощущала состояние безнадежности, подобное тому, какое чувствовала, когда стреляла в Трепова¹⁸. Эта острота переживаний, мучительные сомнения и прозрения приводили ее, по свидетельству Дейча, к мыслям о самоубийстве¹⁹. В ночь с 8 на 9 мая на руках Мякотинной Засулич скончалась.

При Доме литераторов был создан специальный комитет для организации похорон, которые решено было устроить на общественный счет, «следуя личному характеру и образу жизни Веры Ивановны, наивозможно скромнейшим образом, — без венков, знамен и пр.». Телеграммы соболезнования пришли из разных городов, от организаций и частных лиц. Похороны состоялись 10 мая на Волковом кладбище. В них приняло участие около 20 организаций, в том числе представители партии эсеров и Бунда, организации «Единство» и другие. По словам одного из выступавших, в лице Засулич русские революционеры хоронят «последний элемент идеализма в социализме»²⁰. Слова эти глубоко символичны, как и вся жизнь Веры Ивановны.

В настоящую публикацию включены три фрагмента рукописи В.И.Засулич, относящиеся, по всей вероятности, к марту 1919 г. (док. № 1), а также два воспоминания — В.О.Левинского (Цедербаума) (док. № 2) и доктора М.Я.Лукомского (док. № 3).

¹³ Там же.

¹⁴ РНБ АДП. Ф. 1097. № 655. Л. 3.

¹⁵ Там же. № 654. Л. 12.

¹⁶ Там же. Л. 16.

¹⁷ Меньшевики в 1919—1920 гг. М., 2000. С. 338.

¹⁸ Александрович А. Похороны Веры Засулич // Руль (Берлин). 1921. № 197.

¹⁹ 13 июля/30 июня. С. 4.

²⁰ Кауфман А.В. И.Засулич // Вестник литературы. 1919. № 5. С. 12.

²⁰ Александрович А. Похороны Веры Засулич... С. 4. «Элементы идеализма в социализме» — название одной из статей В.И.Засулич.

Воспоминания Левицкого — одни из лучших, посвященных Засулич. Они принадлежат брату Ю.О.Мартова — Владимиру Осиповичу Левицкому (Цедербауму) (1883—1941), видному деятелю меньшевистской фракции РСДРП. Он был знаком с Засулич с 1904 г. В «Историческом архиве» (1998. № 2) опубликованы его воспоминания о Г.В.Плеханове (Там же см. подробнее о самом Левицком). Воспоминания о Засулич были написаны вслед за воспоминаниями о Плеханове, вероятно, в середине 1920-х гг. для сборников «Группа «Освобождение труда»». Рукопись (автограф Левицкого) имеет стилистическую правку Дейча, находится в фонде В.И.Засулич в Доме Плеханова.

Воспоминания Левицкого дополняет письмо М.Я.Лукомского Д.Г.Мунтянову о последних днях Веры Ивановны. Михаил Яковлевич Лукомский (1872—1931), в 1912—1913 гг. член редакции меньшевистской легальной газеты «Луч», в годы Первой мировой войны был фронтовым врачом, от активной политической деятельности отошел, после 1917 г. работал в органах Наркомздрава. Дмитрий Григорьевич Мунтянов с лета 1922 г. служил в Институте народного хозяйства в качестве заведующего хозяйством, по заданию Дейча работал в архивах Ленинграда для сбора материалов по истории революционного движения, принимал близкое участие в делах Дома Плеханова, скончался в сентябре 1935 г. (См. его письма Л.Г.Дейчу: РНБ АДП. Ф. 1097. № 414). Письмо хранится в фонде В.И.Засулич (РНБ АДП. Ф. 1098. № 213). Публикуется по автографу. К письму приложен конверт, на котором указан адрес: «г. Ленинград, Пушкинская, д. 17, кв. 5. Дмитрию Григорьевичу Мунтянову». На обороте конверта: «М.Я.Лукомский. Москва. Zubовский бул., 35, кв.12».

Документы публикуются по современным правилам правописания, с сохранением их стилистических особенностей. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Подчеркнутые слова выделены курсивом. Сведения о ряде лиц выявить не удалось.

Публикацию подготовила кандидат исторических наук Т.А.БОГДАНОВА.

№ 1

Три фрагмента рукописи В.И.Засулич

Март 1919 г.

[1]

России, которую я знала и любила, нет больше на свете. На ее месте стоит отвратительное, громогласно глущее властвующее меньшинство, и под ним громадное, вымирающее от голода, выродившееся с заткнутым ртом большинство.

Это не может длиться не то, что вечно, а хотя бы продолжительное время. Картина изменится, только как? Она и теперь из месяца в месяц постепенно меняется: все дальше вымирает, слабеет большинство, все реже взрывы горячей страстной ненависти. Это в связи, должно быть, с понижением температуры крови петербургского населения. (Доктора и сестры в больнице говорили мне, что температура 35°, очень редкая прежде, теперь заменила собою температуру 36°, и 37° приходится уже считать значительно повышенной лихорадочной температурой).

Ненависть стала еще беспрощнее, непримиримее, но это пассивная, апатичная ненависть полуживых людей.

РНБ АДП. Ф. 1097. № 637. Л. 1—1об. Автограф.

2^а

[...]б Из буржуазии вырастает беспокойная, революционно настроенная молодежь, и это не только у нас: также революционно было французское и немецкое студенчество первой половины девятнадцатого века. Те сплошь спокойные, равнодушные к общественным вопросам студенты, которых мы теперь видим на Западе (статья, о которой упоминает Зиновьев, писана в 1889 г.), появились лишь тогда, когда успокоились их удовлетворенные отцы. Вот и все «предсказание».

Наша политическая революция осталась незаконченной. Ни на минуту не была у власти буржуазия, и создание новых учреждений только что начиналось. Готовились к выборам в Учредительное собрание, когда эту еще продолжавшуюся революцию внезапно прерывает контрреволюционный переворот, сопровождаемый таким безобразным произволом, которому пытались искать аналогии в истории, да так и не нашли.

Совершенно неизбежно весь неизжитый еще [...]в

РНБ АДП. Ф. 1097. № 637. Л. 2. Автограф.

3^г

[...] пафос борьбы должен был направиться против вас, новые самодержцы. За вас стоят нежелающие сражаться с внешним врагом штыки, у вас имеется многочисленная жандармерия Красной гвардии, поэтому главным оружием в борьбе с вами, как и с царским самодержавием, остается самопожертвование. И вы вызываете его там, где его раньше не было: с бесстрашным достоинством стоят пред вами люди, не бывшие раньше революционерами. В рядах борцов против вас стоит рабочая интеллигенция, и станут постепенно все наиболее сознательные рабочие, а вам, как и старому самодержавию, останутся на долю наименее сознательные.

В своих изданиях вы доказываете время от времени, что вашему царствию не будет конца; я думаю наоборот, что оно будет недолговечно — не скажу: «к счастью», так как докончить все то непоправимое зло, которое вы делаете родной стране, вы еще успеете. Но сколько бы не длился ваш век, я «предсказываю» вам [...]д

ОР РНБ. Ф. 1098. № 87. Л. 1. Автограф.

а Цифра 2 поставлена посередине листа рукой В.И.Засулич.

б Начало отсутствует.

в На этом лист заканчивается.

г Цифра 3 поставлена в верхней средней части листа рукой В.И.Засулич.

д На этом текст на листе заканчивается.

№ 2
В. И. Засулича

В. О. Левицкий

Веру Ивановну Засулич я знал гораздо ближе, чем Плеханова. На протяжении 15 лет я встречался с ней очень часто и, тем не менее, писать о ней мне гораздо труднее, чем о Г[еоргии] В[алентиновиче]. Причина лежит в своеобразных личных свойствах В[еры] И[вановны].

В. И. Засулич принадлежала к числу людей крайне индивидуалистического склада, богатства души которых таятся глубоко внутри, скупаясь во вне, оставаясь часто скрытыми не только для посторонних, но даже для близких им людей, ибо люди этого типа, в сущности говоря, всегда *одинок* и даже близкие их друзья, в конце концов, всегда довольно далеки от них.

По своему характеру и душевному складу В[ера] И[вановна] представляла полную противоположность Плеханову. с которым была на протяжении десятков лет связана узами тесной дружбы, совместной политической и общественной работы и борьбы, которого глубоко уважала и ценила, может быть, именно потому, что видела у него черты характера, отсутствие которых у нее самой было причиной ее постоянной неудовлетворенности собой и тяжелых внутренних страданий.

Г[еоргий] В[алентинович] был человеком огромных дарований, поражающий и подавляющий своим превосходством всех, кто с ним встречался. Он обладал очень сложной, разносторонней и многогранной натурой, но черты его характера были ясны и определены, как и выражение его лица, как чеканность его мысли, как отчетливость его речи. Г[еоргий] В[алентинович] был в высшей степени цельной и активной натурой, которая всегда стремилась к выявлению себя во вне, к *общественному* творчеству, к проведению своих идей, взглядов, велений, воли — в литературе, на трибуне, в практической деятельности революционера. По складу своего ума Плеханов был теоретиком, с задатками крупного ученого. Но вместе с тем, он ни на одну минуту не переставал быть политиком, борцом. Его теоретическая *мысль*, естественно претворялась в *дело*. Он всегда видел свой путь и смело шел, он не знал колебаний и сомнений, или, во всяком случае, они не мешали ему действовать. Он всегда знал, чего хотел, и делал то, что считал необходимым в каждую данную минуту.

Совсем иной была В[ера] И[вановна]. Психологическую основу ее души составляла чуткая, болезненно реагирующая на всякую неправду, на всякое внутреннее противоречие, совесть — интеллектуальная и моральная. Эта «больная совесть» В[еры] И[вановны] мешала ей в ее общественной деятельности на каждом шагу и не дала ей проявить во всей полноте и многообразии отпущенные ей природой дарования. В[ера] И[вановна] была человеком с незаурядным, оригинальным, острым

^a Заголовок документа.

умом; она обладала большим сочным литературным талантом, у нее были *свои*, всегда оригинальные, не шаблонные мысли, которым она умела придавать своеобразную изящную форму. Она была, наконец, широко и всесторонне образована: ничто в области мысли не было ей чуждо; она живо интересовалась вопросами философии, экономики, политики, истории, литературы и искусства. А между тем, оставленное ею литературное наследство до смешного мало¹, вклад, внесенный ею в революционное и социалистическое движение, гораздо меньше того, чего можно было ожидать от этого выдающегося во всех отношениях человека. И потому товарищи, не знавшие лично В[еру] И[вановну] или встречавшие ее мельком, не могут себе даже представить, какую крупной и душевно богатой личностью была эта, невзрачная на вид, женщина, с резкими, подчас грубыми и не эстетичными манерами, со многими странностями во внешнем укладе своего образа жизни.

Может быть, самым характерным для В[еры] И[вановны] является то, что ее личность гораздо ярче выступает в опубликованных за последнее время ее письмах², чем в ее литературных произведениях и в ее практической деятельности. В этих письмах, оригинальных и неповторимых, предназначенных для близких друзей, а не для широкой публики, вырисовывается кристально чистый облик В[еры] И[вановны], вся глубина ее внутренних переживаний, ее всегда мятущаяся душа, ее идеалистические порывы, ее борьба с самой собой.

Нужно перо большого художника и психолога, чтобы дать полный и неискаженный образ В[еры] И[вановны], во всей его сложности и духовной красоте. Я не беру на себя эту задачу в настоящих воспоминаниях.

Я попытаюсь лишь на основании своих встреч с ней и наблюдений беглыми штрихами отметить некоторые черты и стороны характера В[еры] И[вановны], которые не бросались в глаза людям, сталкивающимся с нею поверхностно и не знавшим ее в сущности. Мне кажется, что эти штрихи могут дать гораздо более верное представление о *действительной* В[ере] И[вановне], чем различные «воспоминания» о ней, появляющиеся уже в печати и останавливавшиеся, главным образом, на ее внешних чертах, «чуждачествах» ее в обыденной жизни и т. п.³

* * *

Глядя со стороны на Веру Ивановну, обычно молчаливую не только на больших собраниях, но и в более тесном кругу, всегда очень внимательно слушающую и вставлявшую лишь очень редкие замечания (почти без исключения, меткие и оригинальные), трудно было предположить, что имеешь дело с человеком, в высшей степени страстным и активным по натуре. Только эта ее страстность, благодаря замкнутости и сосредоточенности характера, соединенной с исключительной скромностью, как-то уходила внутрь ее, лишь сравнительно изредка прорываясь вовне.

Большая индивидуалистка и крупная индивидуальность, В[ера] И[вановна] ни в малейшей степени не отличалась «ячеством», любова-

нием собой и смакованием своих сложных внутренних переживаний. Последние имели центром не ее «я», не личные цели и стремления, а всегда общественный интерес, *общее*, будь то дело социализма, интересы рабочего класса, партии, фракции или кружка. Это общее было всегда целью жизни В[еры] И[вановны], движущей силой ее поступков, моральным критерием в ее поведении и внутренней борьбе. Я мало знал товарищей, которые бы так болезненно страстно относились к делам партии и жили ее интересами, как покойная Вера Ивановна. Никто так не страдал от внешних ее поражений и раздиравших ее внутренних разногласий, никто с такой радостью не встречал ее победы и успехи. Из опубликованной переписки Плеханова с Аксельродом и членов редакции «Искры» между собой⁴ видно, какие мучения доставляли Вере Ивановне трения между ближайшими товарищами, как подобные факты доводили ее почти до нервно-психического расстройства.

Мне лично пришлось быть свидетелем того, как мучительно переживала В[ера] И[вановна] разрыв с Плехановым в период так называемого «ликвидаторства»⁵. Георгия Валентиновича В[ера] И[вановна] любила совсем особенной любовью, готова была всегда прощать ему его недостатки, ценила и уважала его, вероятно, больше, чем кого-либо другого. Но она неспособна была кривить душой и идти против своих убеждений. Плеханов был ей дорог, но истина была ей дороже, и поскольку ее убеждения, ее моральное «я» подсказывали ей, что в данном случае истина была не на стороне Г[еоргия] В[алентиновича], она не останавливалась и перед разрывом с ним. Никто не знал и никогда не узнает, чего стоил ей этот разрыв. Об этом могли только догадываться люди, встречавшиеся с ней в тот период. И я, вероятно, не ошибусь, если скажу, что В[ера] И[вановна] никогда не испытывала большего удовлетворения, чем тогда, когда в годы войны и, в особенности, во время революции 1917 года, пути ее и Г[еоргия] В[алентиновича] снова сошлись. Прошлые недоразумения и обиды были забыты, старые дружба снова сошлись на одном общем деле⁶, и я никогда не забуду выражения светлой радости на лице В[еры] И[вановны] в день примирения «ликвидаторов» с Плехановым на квартире последнего в Царском Селе, о котором я писал в очерке, посвященном Г[еоргию] В[алентиновичу]⁷.

Я вспоминаю В[еру] И[вановну] в период, непосредственно следовавший за расколом партии в 1903 году, когда она, широко терпимая к чужим мнениям вообще, обнаруживала страстную нетерпимость глубоко убежденного человека, горячо выступая на тесных собраниях единомышленников с защитой своих взглядов. Характерно для В[еры] И[вановны], которая абсолютно лишена была ораторского дара и крайне неохотно брала слово, что она говорила всегда «волнуясь и спеша», захлебываясь от охватывавшего ее возбуждения, проглатывая слова и целые мысли, с напряжением стремясь доказать истинность своих взглядов или ошибочность мнений того или другого товарища. В этой страстности речи В[еры] И[вановны] чувствовался всегда глубоко таившийся в ней моральный импульс, тот сократовский «демон», который не давал ей покоя, заставляя ее высказывать наболевшие и переживавшие

ванные мысли, когда ей казалось, что никто другой этих мыслей не выскажет, и от этого может произойти ущерб делу. Нередко В[ера] И[вановна] оставалась при особом мнении: ее часто не удовлетворяла неизбежно чересчур прямолинейная и упрощенная постановка вопроса при решении тех или иных практических задач. Ее широкий кругозор, ее острый критический ум, становившийся с годами все более скептическим, органически не выносил никакого упрощения и ограниченности «практицизма», не видящего дальше сегодняшнего дня. Но бессильная убедить других, неспособная навязывать своих мнений, всегда сомневающаяся в себе, она предпочитала в таких случаях замыкаться в себе, не считая себя в праве поливать ушатом холодной воды менее задумывающихся, но более активных и несущих на себе ответственность товарищей, и таким образом лишать их необходимой для успеха энергии. Не раз в последние годы жизни она говорила, что ей тяжело разыгрывать роль трагической пророчицы Кассандры. Она была в душе борцом, но глубокий разлад между ее темпераментом борца, с одной стороны, и критическим складом ее ума и ее чуткой совестью, с другой, постоянно царил в ее душе.

Только в самый первый период революции 1905 г., вернувшись после многих мучительных лет эмиграции на родину, которую В[ера] И[вановна] любила как-то органически, всем своим нутром, с ее природой, народом, некультурностью, нравами, В[ера] И[вановна], казалось, целиком отдалась непосредственному чувству радости победы и была увлечена общим потоком, отбросив в сторону все свои сомнения. Вообще, до самой своей смерти, В[ера] И[вановна] сумела сохранить чисто детскую непосредственность и способность отдаваться ощущению минуты. Но радость и светлое настроение, охватившие ее на этот раз, были непродолжительны. Свинцовые тучи реакции скоро снова заволкли политический горизонт, и для В[еры] И[вановны] опять настал период глубокого раздумья, болезненного процесса анализа и самоанализа, чуткого реагирования на каждое проявление разгула перешедшей в наступление реакции. И несмотря на это, В[ера] И[вановна] ни за что не хотела покидать Россию: она предпочитала подвергнуться преследованиям, но жить и умереть на родине, чем вновь испытать безысходную жизнь в эмиграции с ее мучительной тоской и оторванностью.

И В[ера] И[вановна] осталась в столыпинской России, довольная тем, что если ей и не удастся активно служить делу в силу политических условий, болезни и других обстоятельств, то она может вблизи наблюдать процессы, ведущие Россию и народ к освобождению и развитию партии, интересами которой она только и жила с тех пор, как стала социал-демократкой.

В дни октябрьской свободы и полусвободы периода первой Государственной думы В[ера] И[вановна], забыв о всех своих болезнях, не зная устали, бегала с собрания на собрание, с митинга на митинг, не для того, чтобы произносить речи и агитировать, но чтобы вбирать в себя свежие впечатления, дышать одним воздухом с подлинными рабочими, окунуться в стихию революционной борьбы. С чувством огромного

удовлетворения посещала она первые легальные рабочие клубы, в которых видела крупное достижение революции. В этих клубах В[ера] И[вановна] старалась стусеваться, избегая всяких оваций, которых она вообще не могла выносить, и предпочитая сидеть в каком-нибудь уголку и молча наблюдать или беседовать с отдельными рабочими. Такие беседы В[ера] И[вановна] очень любила; для них она всегда находила темы и чувствовала себя во время их столь же непринужденно, сколько смущалась на собраниях и в окружении большого числа людей. Благодаря своей необыкновенной скромности и искренности, В[ера] И[вановна] терпеть не могла всяких официальных торжеств и чествований, в которых ей приходилось пародировать в качестве официального лица или виновника торжества. С кислой миной она принимала свое избрание в президиум на торжественных заседаниях и в подобных случаях буквально не знала, куда себя девать и как держаться.

Когда в марте 1913 года меньшевистская «Новая рабочая газета»⁸ напомнила об исполнвшемся 35-летию со дня оправдания Засулич судом присяжных по делу о покушении на Трепова, и это послужило к получению В[ерой] И[вановной] ряда приветственных телеграмм, посещению ее различными делегациями и многочисленными отдельными лицами, пришедшими засвидетельствовать перед ней свое уважение, В[ера] И[вановна] была очень смущена и даже немного «ворчала» по этому поводу. Без всякого сомнения, В[ера] И[вановна] в этот день испытывала двойственное чувство. Ее героический поступок — выстрел в палача Трепова, сыгравший такую крупную роль в истории нашего революционного движения, всегда был больным местом в душе В[еры] И[вановны]. По своим убеждениям она никогда не была террористкой, и покушение на Трепова, вызванное чисто этическими мотивами, как долг совести, которому она не могла не следовать, на всю жизнь оставил в ее душе глубокий след, какое-то раздвоение. Она не могла осуждать себя за этот поступок, хотя сказанные ею на суде простые, но глубоко человеческие слова, что «страшно поднять руку на человека»⁹, были произнесены ею вполне искренне. Но вместе с тем она никогда не могла отрешиться от своей ответственности за переход революционной партии к *террористическим* методам борьбы, которые она считала вредными и пагубными для революционного и социалистического движения.

Поэтому В[ера] И[вановна] без всякой рисовки могла возмущаться чествованием ее террористического «юбилея!». «Вот еще, с чем вздумали поздравлять меня», — добродушно-ворчливо говорила она в этот день автору этих строк в своей скромной комнате в «Доме литераторов» на Карповке, где она жила с 1907—[19]08 гг. до самой своей смерти, комнате, в этот день совершенно преображенной, благодаря обилию полученных В[ерой] И[вановной] цветов, которые, к слову сказать, она очень любила. Но одновременно с этим чувством смущения и недовольства В[ера] И[вановна], независимо от повода, вызвавшего чествование, была сильно взволнована и тронута фактом внимания, проявленного к ней. При всей своей скромности и недооценке своих сил В[ере] И[вановне] было, без сомнения, приятно, что есть люди, которые пом-

нят и ценят ее заслуги перед обществом и революционным движением, и сознание этого должно было несколько смягчать горечь постоянно мучивших ее угрызений совести, что ей не удалось послужить «делу» так, как ей того хотелось.

Особенно растрогал В[еру] И[вановну] роскошный букет красных роз, присланный старым товарищем по периоду «хождения в народ» Тищенко («Титычем»), давно порвавшим с революционным движением¹⁰. Это напоминание о далеком прошлом, о периоде «розовой мечтательной юности» вызвало у В[еры] И[вановны] слезы на глазах. И совсем по-другому была растрогана В[ера] И[вановна], когда в тот же вечер мы потащили ее в один из легальных рабочих клубов, где несколькими десятками рабочих и ближайшими единомышленниками В[еры] И[вановны] было устроено скромное товарищеское чествование. В[ера] И[вановна] была так взволнована, что и среди рабочих имеются уже единицы, знающие ее имя и воздающие ей должное, что на этот раз изменила своему обыкновению и произнесла необычную для нее длинную «речь». Сбиваясь на каждом шагу и волнуясь, она в теплых выражениях благодарила за оказанный ей прием, затем рассказала о мотивах своего террористического акта и высказалась против террора как средства политической борьбы, проводя яркую параллель между индивидуалистической борьбой революционных одиночек прошлого и массовой борьбой класса в современную эпоху.

Напротив того, когда за несколько лет перед тем старый либеральный журналист Гр. Градовский¹¹, выступивший в свое время в печати с горячей статьей по поводу суда и оправдания Засулич, пожелал с ней познакомиться и, будучи представлен ей в петербургском литературном обществе, начал рассыпаться перед ней во всевозможных похвалах и излияниях, В[ера] И[вановна] совершенно не знала, куда деться от смущения, отвечала невпопад своему восторженному поклоннику и, как потом признавалась, искала только случая, как бы поскорее избавиться от назойливого журналиста.

* * *

Я уже отмечал, что исключительная скромность и неверие в свои силы мешали В[ере] И[вановне] проявлять во вне свои незаурядные дарования и способности. В частности, это можно сказать о ее литературной деятельности. В[ера] И[вановна] была литератором в душе, а между тем, всякий раз, как ей приходилось писать статью или книгу, работа составляла для нее мучительнейший процесс. В такие дни она запиралась в своей комнате, избегала людей, почти не ела, возбуждая себя большим количеством крепкого кофе, целиком поглощенная своей работой. К ее литературной работе без всякого преувеличения можно применить слово о «муках творчества». Вера Ивановна не доверяла себе: она помногу раз перечеркивала написанное, переделывала, писала заново, и немало листов, написанных ею, было уничтожено, не увидев света. Ее редко удовлетворяли собственные достижения: ей всегда казалось,

что в написанной статье чего-то не хватает, что ей не удалось высказать всех своих мыслей, что читатель вычитает не то, что она хотела сказать. Она постоянно ощущала трагедию разлада между тонкостью изгибов мысли и несовершенством их выражения в литературной форме. И потому такую страстность вкладывала она в свое литературное творчество, стремясь преодолеть мертвую материю слова и вдохнуть в нее живую мысль.

И именно поэтому с таким трудом В[ера] И[вановна] писала «по заказу», на заданную тему, и была так мало производительна в качестве сотрудника газеты или журнала. Ей нужно было *настроение*, чтобы писать. Она должна была *жить* темой своей статьи, обдумать ее, перечувствовать ее, сжиться с ней; разбираемый ею вопрос должен был волновать, даже мучить ее. Но зато, когда В[ера] И[вановна] писала на любимую ею тему, когда ею овладевала писательская стихия, когда работа удавалась ей, она испытывала огромное удовлетворение и наслаждение творчества.

Каждая, даже небольшая, статья на текущую тему была для В[еры] И[вановны] большой, серьезной работой, к которой она относилась с величайшей добросовестностью. И потому так тщательно отделаны в литературном отношении все ее статьи, потому в них так много содержания при обыкновенно очень небольших их размерах. Редко кто относился с таким уважением к литературе и званию литератора, как В[ера] И[вановна]. И вследствие этого так мало и редко она писала.

Добросовестность В[еры] И[вановны] и строгое отношение к себе особенно проявлялись в ее отношении к работам переводным. После 1905 г. вплоть до революции В[ере] И[вановне], ради заработка, приходилось заниматься переводами с иностранных языков — французского и английского — и редактированием чужих переводов, главным образом, в области художественной литературы (В.И. принадлежат переводы многих произведений Вольтера, Жорж Санд, Уэльса и др.)¹². Характерно уже то, что при прекрасном знании языков В[ера] И[вановна] не всякого автора бралась переводить. Она могла переводить только таких писателей, которых любила, в дух которых умела проникнуть. И переводная работа была для нее мучительством, потому что она была для нее тоже *творчеством*. В[ера] И[вановна] не просто переводила, как делает огромное большинство профессиональных переводчиков: нет, она сперва проникалась духом и стилем переводимого автора, изучала его и его произведения, прежде чем приступала к самому переводу. Она затрачивала на переводную работу так много времени, что труд, вкладываемый ею, подчас не окупался, но зато ее переводы являются шедеврами, как в смысле литературного языка, так и в отношении точности передачи подлинника. И такую же тщательность и добросовестность В[ера] И[вановна] обнаруживала и при редактировании чужих переводов.

Я лишь мельком остановлюсь на личных качествах В[еры] И[вановны], на ее обаятельности как человека и собеседника в частной жизни. В[ера] И[вановна] была чрезвычайно мягким, добрым и сердечным человеком, очень терпимым к другим людям и их недостаткам.

Сама отличаясь резко выраженной индивидуальностью, В[ера] И[вановна] предоставляла другим быть таковыми, каковы они есть, в свою очередь, претендуя лишь на то, чтобы ее принимали такой, какова она, со всеми ее странностями и причудами. Снисходительная к другим, она в высшей степени была строга к самой себе. Даже на старости лет она вела почти аскетический образ жизни, считая компромиссом всякое позволяемое себе «баловство» вроде лакомства, цветов и подобных невинных удовольствий, скрашивающих ее одинокую, безотрадную старость. Но терпимость и снисходительность В[еры] И[вановны] в отношении к людям не имела ничего общего с мягкотелостью, моральным безразличием и беспринципностью. Напротив того, В[ера] И[вановна] была очень принципиальным человеком и высокоморальной натурой. В вопросах принципиальных она могла обнаруживать крайнюю нетерпимость и быть беспощадной. В таких случаях обыкновенно мягкая и застенчивая, она становилась резкой и непримиримой, выражая в самых сильных выражениях свое негодование или презрение.

В кругу близких В[ера] И[вановна] славилась как мастерица наделять товарищей и противников меткими эпитетами. Отличаясь большой наблюдательностью, она прекрасно разбиралась в психологии людей, сразу подмечала их слабые и сильные стороны. Язык у нее был острый, образность выражений поразительная, и даваемые ею клички обыкновенно надолго закреплялись за теми, кого она ими наделяла. Порой эти клички бывали довольно злыми, но в них всегда была присущая В[ере] И[вановне] доза добродушия. Очень часто эти клички брались В[ерой] И[вановной] из мира животных, которых В[ера] И[вановна] очень любила («Дятел», «Кот» и др.); тот или другой человек с первой же встречи ассоциировался в ее уме с определенным образом, и вот кличка была готова.

В последние годы жизни В[ера] И[вановна] молча переживала большую внутреннюю трагедию, сильно обострившуюся в период революции. Постоянно болея и чувствуя постепенный упадок сил, она не могла не сознавать, что жизнь ее кончена. Подводя итоги своей жизни, В[ера] И[вановна] чувствовала большую неудовлетворенность. Она сделала для революционного движения и социализма гораздо меньше, чем хотела и могла. Ее скромность, ее неуверенность в себе помешали ей оказывать влияние в меру имевшихся у нее данных. А ведь только ради *общественности*, ради «дела» жила и страдала В[ера] И[вановна]. К этому неудовлетворению присоединялась еще в последние годы критическая переоценка многих идейных ценностей.

Подобно тому, как будучи противницей террора, В.И.Засулич, вопреки своей воле, явилась родоначальницей политического терроризма в России, так и будучи одной из основоположниц русской социал-демократии, она к концу дней своих с ужасом приходила к мысли, что идеи, которые она так долго и мучительно вынашивала в себе, которые исповедовала и проповедовала в течение 35 лет своей жизни, на практике вылились совсем не в то, о чем она мечтала, к чему стремилась, ради чего отдала всю свою жизнь. Она не разочаровалась в своих идеа-

лах, она оставалась верна идеям, воспринятым в ранней молодости и в лучшую пору своей жизни, она не отреклась от своего прошлого и не стала оплевывать его. Но червь сомнения заползал в ее душу, она видела в прошлом многие ошибки, приведшие к ошибкам в настоящем, и, чувствуя свою долю ответственности за них, мучилась и казнила себя в своей чуткой душе. Она не хотела быть «Кассандрой», молчала, еще больше замыкалась в себе, еще больше страдала...

Если прибавить к этому одинокую безрадостную старость, непрерывные болезни при сохранившейся ясности ума и остроте переживаний, полуголодную неприютную жизнь (незадолго до смерти В[ера] И[вановна] была лишена своего убежища — Дома литераторов — и вынуждена была поселиться у совершенно чужих ей людей, сестер писателя Мякотина¹³), то картина трагического конца скромной героини [18]78 года, имя которой тогда облетело всю Европу и приобрело всемирную известность, станет совершенно ясна...

РНБ АДП. Ф. 1098. Ед. хр. 159. Л. 1—11.

№ 3

М.Я.Лукомский — Д.Г.Мунтянову^{*}

15 января 1931 г.

Отвечаю на Ваше письмо со значительным опозданием потому, что был все это время болен, и письмо переслано было в санаторий. По существу интересующего Вас вопроса могу сказать следующее.

В начале 1919 г. (в январе, кажется) ко мне на службу зашел Л.Дейч¹⁴ и просил помочь Вере Ив[ановне] Засулич, которая тяжело заболела и лежит без всякой медицинской помощи. Я немедленно же отправился к В[ере] И[вановне] в Дом ученых на Карповке¹⁵. Она, оказалось, жила не в самом Доме ученых, где я искал ее, а там же в глубине двора — в доме Мякотиных, которые эмигрировали тогда на Украину и оставили свой одноэтажный домик на попечение своей прислуги. Мезонин этого домика представлял какую-то комнатенку — вроде чердака, где и обреталась Вера Ивановна.

Я нашел В[еру] И[вановну] в весьма тяжелом состоянии (сильнейшая одышка и кашель, t° выше 40), и во всем домике, кроме нее, не было ни единого человека, ибо, как объяснила В[ера] И[вановна], прислуга с утра уходит на работу и возвращается поздно вечером, так что больная оставалась совершенно одна. Л.Дейч заходил ежедневно на час. Комната была до того грязна, запылена, оплевана, что буквально негде было сесть. А Вера Ивановна металась одна в кровати.

При посредстве [...]б я ее перевез на автомобиле в больницу им. Ленина, где я состоял главным врачом. Перевез в тот же день, часа че-

^{*} К письму приложен конверт, на котором указан адрес: «г. Ленинград, Пушкинская, д. 17, кв. 5. Дмитрию Григорьевичу Мунтянову». На обороте конверта: «М.Я.Лукомский. Москва. Зубовский бул., 35, кв. 12».

^б Далее неразборчиво.

рез 2-3 после моего посещения ее. В больнице она была обставлена «по-царски»: одна в большой, чистой, светлой палате и пр.

Хотя я (и жена моя) проводили у [н]ее много времени ежедневно в палате, но бесед на политические темы не вели, ибо у нас были с ней разные установки, а раздражать ее — не входило, разумеется, в мои планы.

Считаю необходимым рассказать о следующем небезынтересном обстоятельстве. Во время пребывания Веры Ивановны в больнице (в самом начале ее пребывания) появился в петроградских газетах (вероятно, и в московских) ответ гр. Зиновьева¹⁶ на запрос Ленина о Вере Ивановне¹⁷. самого запроса Ленина в газетах не было, но из ответа Зиновьева можно было заключить, что до Ленина дошли слухи о болезни В[еры] И[вановны], об изгнании ее из Дома ученых на Карповке, об отсутствии забот о ней со стороны Петроградского исполкома. В напечатанном в газетах ответе Зиновьева было сказано следующее (пишу по памяти): 1) что о Вере Ивановне идет неизменная все время забота со стороны Исполкома, в частности, забота проявляется через посредство Бронштейн (кажется, жена или сестра Троцкого); 2) что В[ера] И[вановна] не была выслана из Дома ученых на Карповке, а находится все время там; 3) что в настоящее время В[ера] И[вановна] заболела и находится в больнице — «*Боткинских*» бараках — у своего друга Лукомского.

Таково приблизительно содержание ответа, напечатанного в газетах и подписанного Зиновьевым. Когда я показал эту телеграмму-ответ Вере Ивановне, она крикнула: «Врет, собака!» — и рассказала мне следующее: 1) Никакой заботы о ней не было проявлено — ни Исполкомом непосредственно, ни через Бронштейн — все это ложь! 2) Из Дома ученых на Карповке она действительно не была выселена. Но все прочие находившиеся в этом доме были до единого выселены, и Вера Ивановна осталась одна во всем огромном доме, никем не отапливаемом и никем не обслуживаемом, так что температура в комнате В[еры] И[вановны] была такая же, как на улице, и ей, разумеется, волей-неволей пришлось самой уйти, и она ушла в этот домик Мякотиных, в котором жила только одна работница.

Этот рассказ В[еры] И[вановны] заставил меня написать «опровержение» в «Известия» Петроградского Совета. Мое опровержение было мною прочитано В[ере] И[вановн]е и ею одобрено. Приблизительное содержание этого опровержения следующее.

Я писал: «Ввиду того, что ответ Зиновьева послан председателю Совета Нар[одных] Комиссаров, я считаю своим долгом исправить некоторые неточности в этом ответе». И в опровержении изложил то, что мне рассказала В[ера] И[вановна] по поводу заботы о ней, по поводу ее оригинального ухода из Дома ученых и прибавил еще один пункт от себя: просил исправить еще одну неточность, заключающуюся в том, что В[ера] И[вановна] находится теперь не в «*Боткинских*» бараках (как писал Зиновьев в телеграмме предсовнаркома Ленину), а в б[ывших] *Рожественских* бараках: так как ответ был адресован предсовнаркома, то

важно (писал я) исправить и эту небрежность насчет назв[ания] больницы.

Опровержение мое не было напечатано (ибо Зиновьев был тогда председ[ателем] Петрог[радского] Совета), но Зиновьев через некоторое время отомстил мне за это письмо.

Жму Вашу руку.

М.Лукомский

Р. С. Хочу добавить, что В[ера] И[вановна] была очень тронута вниманием и памятью о ней Ленина («Ленин — не Зиновьев», — говорила она несколько раз, «но и Ленину, — добавила она, — часто верить нельзя, так как он ради идеи, ради кажущего ему блага народного готов и неправду сказать, если эта неправда принесет, по его мнению, пользу рабочему классу» (Такова приблизительно была ее мысль).

М.Л.

Прошу черкнуть пару слов о том, получили ли это письмо, и удовлетворяет [ли] оно Вас. Какие еще данные интересуют Вас?

В больнице она пролежала довольно долго — до полного выздоровления. Все служащие больницы знали, кто она, и относились к ней с исключительным вниманием и любовью.

РНБ АДП. Ф. 1098. Ед. хр. 213. Л. 1—9.

Примечания

¹ Библиография В.И.Засулич насчитывает свыше 70 работ (в том числе статьи, рецензии, книги о Вольтере, Руссо, истории I Интернационала). Наиболее полно она отражена в книгах: Бургина А. Социал-демократическая меньшевистская литература. Библиографический указатель. Stanford, 1968; Geierchos V. Vera Szulic und die russische revolutionare Bewegung. Munich, 1977. В переводе В.И.Засулич вышло 13 работ К.Маркса и Ф.Энгельса, см.: Курбатова И.Н. Начало распространения марксизма в России. Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда». М., 1983. С. 260—287.

² Прежде всего речь идет о письмах к Г.В.Плеханову, Л.Г.Дейчу, С.М.Кравчинскому и другим, опубликованных Л.Г.Дейчем в сборниках «Группа "Освобождение труда"» (№№ 1—6. Л.; М., 1923—1928). В журнале «Летописи марксизма» (1928. Кн. 5. С. 78—81) помещена заметка Б.И.Николаевского по поводу переписки Засулич и Плеханова. См. также: Из переписки В.И.Засулич // Историко-революционный сборник. Т. 2. Л.; М., 1924. С. 337—349; Кантор Р. Незданное письмо В.И.Засулич (К истории суда над Л.Г.Дейчем в 1884 г.) // Каторга и ссылка. 1925. № 3. С. 105—108; Письмо В.И.Засулич к А.И.Успенской // Каторга и ссылка. 1928. № 1. С. 80—81. Впоследствии ряд писем В.И.Засулич были опубликованы в сборнике «Первая марксистская организация России — группа "Освобождение труда"». 1883—1903. М., 1984. Письма В.И.Засулич, относящиеся к 1905—1916 гг., см.: Из переписки В.И.Засулич... Л., 1991. С. 30—96. В публикацию вошли ее письма (35) Г.В.Плеханову, Л.Г.Дейчу, Я.В.Стефановичу, А.И. и В.П.Успенским. Но значительная часть писем В.И.Засулич (Я.В.Стефановичу, Л.Г.Дейчу), содержащих весьма интересные наблюдения и рассуждения по возвращении в Россию, остается неопубликованной.

³ В сборниках «Группа «Освобождение труда»» были напечатаны воспоминания М. Висконти, Ц. С. Гуревич-Мартыновской, Р. М. Плехановой, Н. И. Кулябко-Корецкого и др. Вот как описывала в конце 1870-х гг. Р. М. Плеханова внешний вид Засулич: «... Она носила серое платье неопределенной формы. Кажется, что описать последнее можно следующим образом: кусок полотна известного размера, в центре которого была вырезана дыра для головы, а по бокам находились две дыры для рукавов... На голове было что-то похожее не на шляпу, а скорее на пирог из скомканной серой материи. На ногах — неуклюжая широкая обувь собственного изделия ее обладательницы» («Группа «Освобождение труда»». Сб. 3. М.; Л., 1925. С. 85). См. также: Памяти Веры Ивановны Засулич // Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Этюды и воспоминания. Л., 1925. С. 37–46; Рошфор А. Вера Засулич и народовольцы // Голос минувшего. 1920—1921. С. 85–93; Фроленко М. И. Из воспоминаний о В. И. Засулич // Каторга и ссылка. 1924. № 10. С. 241–247.

⁴ См.: Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1–2. М., 1925; Ленинский сборник. Т. 2–4. М.; Л., 1924–1925; Социал-демократическое движение в России. Материалы. Под ред. А. Н. Потресова и Б. И. Николаевского. М., 1928. Т. 1.

⁵ Эта полемика вылилась на страницы печати, см.: Засулич В. И. Плеханов и «ликвидаторы» // Луч. 1913. 14 апреля; Она же. По поводу одного вопроса // Живая жизнь. 1913. 19 июля. Ответ Г. В. Плеханова, озаглавленный «В. И. Засулич, ликвидаторы и раскольничий фанатизм», см.: Правда. 1913. 7, 8 июня. По признанию самой В. И. Засулич, их оживленная в период революции переписка затем прервалась, она писала Плеханову после 1907 г. «множество раз», но тот не отвечал. В архиве В. И. Засулич имеются два письма Плеханова, относящиеся к 1909 и 1910 гг. Первое опубликовано: Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973. Т. 1. С. 242–244.

⁶ Речь идет о социал-демократической организации «Единство».

⁷ См.: «Мне не раз приходилось слышать Г. В. Плеханова». Из воспоминаний В. О. Левицкого. Публ. М. В. Пронина // Исторический архив. 1998. № 2. С. 25–50.

⁸ Меншевицкая легальная газета выходила в Петербурге под разными названиями: «Новая рабочая газета», «Наша рабочая газета», «Северная рабочая газета», «Живая жизнь», «Луч». Статью об этом «юбилее» под названием «31 марта 1878 г.» см.: Луч. 1913. 31 марта. № 87 (162).

⁹ См.: Коваленский М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Кн. 2. Дело Веры Засулич. М., 1923. С. 34.

¹⁰ Тищенко Юрий Михайлович («Титыч») — член «Земли и воли», был женат на сестре жены П. Б. Аксельрода, в 1882 г. по возвращении в Россию был арестован, выслан в Западную Сибирь, впоследствии стал крупным нефтепромышленником.

¹¹ Градовский Григорий Константинович (1842–1915) — публицист, в 1870-е гг. сотрудник ряда либеральных газет, автор знаменитого в свое время фельетона о процессе над В. И. Засулич (Голос. 1878. 2 апреля).

¹² В переводе В. И. Засулич вышли произведения Ф. Вольтера «Белый Клык», «Простодушный»; Г. Уэллса «Предвидение» (совм. с Л. Экспером), «В дни комет», «Невидимка», «Бог Динамо», «Афера со страусами». Принадлежащие В. И. Засулич переводы произведений Ж. Санд выжить не удалось. Вероятно, ею было исполнено редактирование этих переводов. В январе 1910 г. Засулич писала Я. В. Стефановичу: «Но еще гораздо больше идиличности выразил ты в предположении, что для получения переводов «достаточно выразить готовность». Литература завалена скверными переводами, и я, кроме себя, знаю несколько хороших переводчиков, которые кричат о «готовности» и сидят без работы. Де-

ло в том, что переводы предназначены дочерям, сестрам, племянницам и воспитанницам издателей. Все они переводят скверно, но все переводят, так скверно-то перевести может решительно всякий. Издатель нанимает к ним в придачу редактора, который за 5, максимум 10 [рублей], с листа исправляет наиболее кричащие нелепости. Всякий знает, что просить перевода вовсе не значит предлагать труд, а значит: просить вспомоществования. Поэтому, хотя со мной раскланивается в Лит[ературном] обществе несколько десятков литераторов, но отвечать на вопрос: "Как поживаете В.И.?" словами: "А мне бы переводу!" как-то язык не поворачивается. Я все же клянчу время от времени. У меня есть тут приятельница, настоящая приятельница, которая моим положением всегда интересуется. Может слышал? Калмыкова. Связи у нее в литературном мире прочные, солидные, многолетние, и ни одного перевода она мне до сих пор не доставала» (РНБ АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 781).

¹³ *Мякотин Венедикт Александрович* (1867—1937) — историк, публицист, один из лидеров партии народных социалистов, в 1919 г. эмигрировал.

¹⁴ *Дейч Лев Григорьевич* (1855—1941) — участник народнического и социал-демократического движения, автор многочисленных мемуаров, друг В.И.Засулич, они были знакомы с 1870-х гг.

¹⁵ Речь идет о Доме литераторов.

¹⁶ *Зиновьев Григорий Евсеевич* (наст. фамилия и имя — *Радомысльский Евсей Аронович*) (1883—1936) — советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1901 г. После установления советской власти исполнял обязанности председателя Петроградского Совета.

¹⁷ Имеется в виду телеграмма В.И.Ленина Г.Е.Зиновьеву от 18 февраля 1919 г. (См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 256).

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

2007

№6

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит 6 номеров в год

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

П 23
3521

В НОМЕРЕ:

Из личного дела
С.П.Королева

Материально-
техническое снабжение
советских партизан

На родине
Г.В.Плеханова

Материалы
и документы
о В.И.Засулич

Переписка
императоров Александра II
и Наполеона III

Распоряжения
адмирала М.П.Лазарева

Мастера русской
историографии:
Историки XVIII века

«Доношения»
профессиональных
воров. 1741 г.

СОДЕРЖАНИЕ

«Мы прожили пятнадцать лет!» (А.А.Чернобаев).....	3
АРХИВ ВОЖДЕЙ	
«У нас существует только пародия на партийную демократию». Письмо И.В.Сталину кандидата в члены ВКП(б) С.Б.Тер-Захарова. 1926 г. (И.А.Иоффе).....	4
РОССИЯ В КОСМОСЕ	
Из личного дела С.П.Королева. Документы РГАСПИ. 1956–1966 гг. (Д.И.Баранова, И.В.Бондаренко).....	15
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ	
«Источником снабжения наших партизан вооружением должно быть немецкое интендантство». Проблемы материально-технического снабжения советских партизан. 1942–1943 гг. (В.В.Коровин).....	31
ИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ АРХИВОВ	
Ловушка для великого князя? Секретный агент французской полиции о плане покушения на Владимира Кирилловича. 1939 г. (Н.С.Андреева).....	49
НАРОДЫ И СУДЬБЫ	
На родине Г.В.Плеханова. Документы о поездке Л.Г. и Э.М.Дейчей, Р.М. и Л.Г.Плехановых в деревню Гудаловку и Липецк. 1932 г. (А.С.Бережанский).....	55
РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ	
«России, которую я знала и любила, нет больше на свете». Материалы и документы о В.И.Засулич. 1917–1931 гг. (Т.А.Богданова).....	63
ФОТОЛЕТОПИСЬ	
Мастера русской историографии: Историки XVIII века (Т.П.Чернобаева).....	82
ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ	
«Почитаю нравственным долгом откровенно выразить свои мысли». Из переписки И.Е.Забелина. 1878–1885 гг. (Н.Б.Быстрова, М.В.Катагощина).....	96

- «Как чудно жить, понимать и участвовать в этой жизни».**
Письма к М.В.Нечкиной. 1923–1927 гг. (Е.Р.Курапова)..... 114

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

- «Европа пережила беспокойные времена».** Переписка императоров Александра II и Наполеона III. 1856–1867 гг. (Л.А.Пухова).... 155

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

- «Комиссии для сооружения в Севастополе храма во имя св. Владимира».** Распоряжения Главного командира Черноморского флота и портов адмирала М.П.Лазарева. 1845–1850 гг. (А.А.Черноусов) 181

- «Я живу здесь уединенно, работаю много».** Письма В.Ф.Лугинина к Е.В.Салиас де Турнемир. 1863–1864 гг. (Е.А.Зайцева, Г.И.Любина) 193

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

- Преступный мир Москвы.** Два «повинных доношения» профессиональных воров. 1741 г. (Е.В.Акельев)..... 209

- Указатель материалов, опубликованных в журнале «Исторический архив» в 2007 г.** 215

CONTENTS

- «We have been lived fifteen years!»** (A.A.Chernobayev)..... 3

ARCHIVE OF LEADERS

- «We have only a parody of party democracy».** Letter from S.B.Ter-Zakharov, candidate-member of the VKP(b), to I.V.Stalin. 1926 (I.A.Ioffe)..... 4

RUSSIA IN THE SPACE

- From the personal file of S.P.Koroliov.** Documents from RGASPI. 1956–1966 (D.I.Baranova, I.V.Bondarenko) 15

THE GREAT PATRIOTIC WAR

- «It's German intendance that must be the source of supply with arms for our partisans».** Problems of material and technical supply of Soviet partisans. 1942–1943 (V.V.Korovin) 31

FROM FOREIGN ARCHIVES

- A trap for Grand Duke?** A secret agent of French police about the plan of an attempt upon life of Vladimir Kirillovich. 1939 (N.S.Andreeva)..... 49

PEOPLES AND FATES

- At the birthplace of G.V.Plekhanov.** Documents on the visit of L.G.and E.M.Deich, R.M. and L.G.Plekhanov to Gudalovka village and Lipetsk. 1932 (A.S.Berezhansky) 55

RUSSIA AT THE TURNING POINT

- «Russia I knew and loved doesn't exist in the world».** Materials and documents about V.I.Zasulich. 1917–1931 (T.A.Bogdanova)..... 63

PICTORIAL REVIEW

- Pillars of Russian historiography: Historians of the 18th century** (T.P.Chernobayeva) 82

HISTORY AND HISTORIANS

- «I regard as my moral duty to express my thoughts frankly».** From the correspondence of I.E.Zabelin. 1878–1885 (N.B.Bystrova, M.V.Katagoshchina) 96
- «How wonderful is to live, to understand and to take part in this life».** From letters to M.V.Nechkina. 1923–1927 (E.R.Kurapova) 114

FOREIGN POLICY

- «Europe has experienced uneasy times».** The correspondence of Emperors Alexander II and Napoleon III. 1856–1867 (L.A.Pukhova)..... 155

THE NINETEENTH CENTURY

- «To Commission for building St. Vladimir Temple in Sevastopol».** Directives of Admiral M.P.Lazarev, Chief Commander of Black Sea navy and ports. 1845–1850 (A.A.Chernousov) 181
- «I live here in solitude, work much».** Letters from V.F.Luginin to E.V.Salias de Turnemir. 1863–1864 (E.A.Zaitseva, G.I.Lyubina) 193

FROM ANCIENT TIMES

- Criminal world of Moscow.** Two «confession reports» of professional thieves. 1741 (E.V.Akeliev) 209
- Index of materials published in «Historical Archive» within 2007** 215